

Оригинальная статья / Original article

УДК 17.025 (0.91)

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-259-269>

Страх смерти и духовное пробуждение: экзистенциальная трансформация личности в религиозной философии Л. Н. Толстого

Н. В. Волохова¹ ✉, Н. В. Воробьев¹

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Проблема страха смерти и духовного пробуждения личности занимает центральное место в религиозно-философском наследии Л. Н. Толстого и сохраняет актуальность в условиях современного кризиса ценностей и смыслов. Обращение к экзистенциальному опыту, лежащему в основе толстовской антропологии, позволяет по-новому осмыслить природу человеческой свободы, ответственности и ненасилия как альтернативы социальному и идеологическому насилию.

Цель – осмыслить роль страха смерти в формировании философско-религиозной антропологии Л. Н. Толстого и выявить механизмы духовного пробуждения личности в его религиозной философии.

Задачи: выявить значения экзистенциального переживания смерти в мировоззренческом кризисе Толстого, анализе противопоставления «животной» и «духовной» жизни, раскрытии роли внутреннего нравственного закона любви в преодолении страха смерти, а также в определении связи этих идей с формированием толстовской этики ненасилия.

Методология. В качестве методологической основы использовались исторический, компаративистский методы и критический анализ. Системный подход позволил рассмотреть учение Толстого о смерти и духовном преображении как целостную философско-антропологическую концепцию; метод историко-философской реконструкции был применён для выявления эволюции взглядов мыслителя; герменевтический подход обеспечил смысловой анализ и интерпретацию ключевых текстов.

Результаты. Установлено, что страх смерти у Толстого выступает ключевым экзистенциальным импульсом, инициирующим духовную трансформацию личности. Показано, что преодоление страха достигается через переход к духовной жизни, основанной на любви, совести и отказе от насилия.

Вывод. Экзистенциальное осмысление смерти является системообразующим элементом религиозной философии Толстого и определяет его понимание человека как существа, способного к внутреннему нравственному пробуждению и духовной свободе.

Ключевые слова: страх смерти; духовное пробуждение; экзистенциальная философия; религиозная антропология; духовная жизнь; нравственное самопознание; смысл жизни.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Волохова Н. В., Воробьев Н. В. Страх смерти и духовное пробуждение: экзистенциальная трансформация личности в религиозной философии Л. Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 1. С. 259–269. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-259-269>

Поступила в редакцию 11.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Опубликована 27.02.2026

Ontological crisis and epistemological reflection: cognitive practices of the precariat in conditions of fragmentation

Natalia V. Volokhova¹ ✉, Nikita V. Vorobyov¹

¹ Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. *The problem of the fear of death and spiritual awakening of the individual occupies a central place in the religious and philosophical heritage of Leo Tolstoy and remains relevant in the context of the contemporary crisis of values and meanings. Turning to the existential experience underlying Tolstoy's anthropology makes it possible to reconsider the nature of human freedom, responsibility, and nonviolence as an alternative to social and ideological violence.*

The purpose is to analyze the role of the fear of death in the formation of Leo Tolstoy's philosophical and religious anthropology and to identify the mechanisms of spiritual awakening of the individual in his religious philosophy.

Objectives: include identifying the significance of the existential experience of death in Tolstoy's worldview crisis, analyzing the opposition between «animal» and «spiritual» life, revealing the role of the internal moral law of love in overcoming the fear of death, as well as determining the connection of these ideas with the formation of Tolstoy's ethics of nonviolence.

Methodology. The methodological basis of the study includes historical and comparative methods, as well as critical analysis.

Results. It is established that the fear of death in Tolstoy's philosophy acts as a key existential impulse initiating the spiritual transformation of the individual. It is shown that overcoming this fear is achieved through the transition to a spiritual mode of life based on love, conscience, and the rejection of violence.

Conclusion. The existential comprehension of death constitutes a system-forming element of Tolstoy's religious philosophy and determines his understanding of the human being as a creature capable of inner moral awakening and spiritual freedom.

Keywords: fear of death; spiritual awakening; existential philosophy; religious anthropology; spiritual life; moral self-knowledge; meaning of life.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Volokhova N.V., Vorobyov N.V. The fear of death and spiritual awakening: the existential transformation of personality in L.N. Tolstoy's Religious Philosophy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2026;16(1):259–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2026-16-1-259-269>

Received 11.12.2025

Accepted 10.01.2026

Published 27.02.2026

Введение

Религиозная философия Л. Н. Толстого складывается как результат глубокого духовного кризиса и напряжённого поиска ответов на предельные вопросы человеческого существования. В центре его размышлений находится проблема жизни и смерти, рассматриваемая не в догматическом или теологическом смысле, а как

внутренняя духовная реальность, определяющая отношение человека к Богу, миру и самому себе. Для Толстого религия не является системой вероучительных положений или внешним институтом; она выступает прежде всего как живой опыт внутреннего соединения человека с божественным началом и как путь нравственного преображения личности.

Проблема смысла жизни в религиозной философии Толстого неотделима от осмысления смерти. Именно осознание конечности индивидуального существования разрушает иллюзии, связанные с земным благополучием, социальной успешностью и внешней праведностью. В своих философских трактатах и художественных произведениях Толстой неоднократно подчёркивает, что без осознания смерти невозможно подлинное религиозное пробуждение. Он приходит к выводу, что жизнь человека, понимаемая в религиозном измерении, есть стремление к благу, выходящему за пределы телесного и временного существования: «Жизнь человека есть стремление к благу» [1, т. 26, с. 369]. Однако это стремление неизбежно сталкивается с трагическим фактом смертности личности, что и порождает внутренний конфликт, лежащий в основе религиозного поиска.

Толстой обращает внимание на то, что человеческий разум изначально устремлён к поиску такого блага, которое не уничтожалось бы ни борьбой между людьми, ни страданиями, ни смертью [1, т. 2, с. 267]. В религиозной философии писателя это стремление приобретает форму поиска Бога как высшего смысла и основания жизни. При этом Бог мыслится не как внешняя трансцендентная сила, а как внутренний закон любви и разума, присутствующий в каждом человеке. Религиозная истина, по Толстому, не навязывается извне и не утверждается авторитетом традиции, а раскрывается через личный духовный опыт, связанный с преодолением страха смерти и внутреннего раздвоения.

Важнейшим элементом религиозной философии Толстого является различие между плотской и духовной жизнью. Плотская жизнь ориентирована на удовлетворение временных потребностей и неизбежно оказывается связанной со страхом утраты и смерти. Духовная жизнь, напротив, основывается на разум-

ном сознании и на следовании внутреннему нравственному закону. Толстой подчёркивает, что человек приходит к религии не через внешние обряды, а через осознание ограниченности плотского существования и внутреннее обращение к духовному началу. В этом смысле религия для Толстого есть форма разумного отношения к жизни и смерти.

В трактате «О жизни» Толстой вводит понятие разумной жизни, в которой духовное начало признаётся высшей реальностью, а телесное – временным и подчинённым. Именно разум, соединённый с нравственным чувством, позволяет человеку поверить в существование «силы жизни», не зависящей от времени и пространства. Эта сила в религиозной философии Толстого отождествляется с божественным началом, проявляющимся в любви, сострадании и отказе от насилия. Страх смерти, переживаемый человеком, становится не препятствием, а необходимым этапом на пути к осознанию этой силы.

Религиозное пробуждение личности в философии Толстого связано с радикальным пересмотром жизненных ценностей. Осознание смерти разрушает внешнюю религиозность и приводит человека к внутренней вере, основанной на личной ответственности и нравственном выборе. В этом процессе страх смерти утрачивает свой парализующий характер и превращается в источник духовного обновления. Исследование данной трансформации и составляет предмет настоящей статьи, посвящённой анализу религиозно-философского понимания смерти и духовного пробуждения в наследии Л. Н. Толстого.

Материалы и методы

Основу настоящего исследования составляют публицистические тексты Л. Н. Толстого, а также его религиозно-философские трактаты, прежде всего те из них, которые вызвали широкий обще-

ственный резонанс и неоднозначную реакцию современников. Именно в этих работах наиболее полно раскрывается религиозное измерение философии писателя, связанное с проблемами смысла жизни, страха смерти и духовного преображения личности. Религиозные сочинения Толстого нередко воспринимались как вызов устоявшимся духовным и социальным представлениям, что обусловило противоречивый характер их восприятия в интеллектуальной среде конца XIX – начала XX века.

Оценка религиозно-философского наследия Толстого в этот период отличалась значительным многообразием подходов и интерпретаций. Среди наиболее авторитетных и принципиальных критиков его мировоззрения следует отметить В. Ф. Асмуса, А. Белого, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, Вяч. Иванова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, В. С. Соловьёва, Е. И. Трубецкого, С. Л. Франка, Г. В. Флоровского, Л. И. Шестова и других мыслителей, в трудах которых осмысливались религиозные и экзистенциальные аспекты толстовской философии.

При рассмотрении религиозно-философских оснований учения Толстого о жизни и смерти значимым является также корпус исследований отечественных и зарубежных толстоведов. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли представители советского периода: Э. Г. Бабаев, Г. Я. Галаган, Г. Н. Ищук, Д. Ю. Квитко, Н. С. Козлов, Н. В. Кудрявая, Г. Б. Курляндская, К. Н. Ломунов, Л. Д. Опульская, В. И. Толстых, М. Б. Храпченко и другие авторы, чьи работы заложили основы научного анализа философских и религиозных взглядов писателя.

Современные исследования развивают эти подходы, обращаясь к экзистенциальным, религиозным и этическим аспектам наследия Толстого. В данном контексте особого внимания заслуживают труды Н. В. Волоховой [2], С. В. Аля-

бевой [3], И. А. Белой, М. Л. Гельфонд [4], Е. Д. Мелешко [5], И. П. Чередниченко, а также работы П. В. Басинского [6], А. А. Горелова, А. А. Гусейнова, Ю. Н. Давыдова, А. А. Зориной, Ли Со Ен, М. А. Лукацкого, И. Б. Мардова, В. Н. Назарова, И. А. Некрасова, Г. А. Попова, Е. И. Рачина [7], В. Б. Ремизова, И. В. Рождественской, О. С. Соиной, О. В. Сливицкой, Б. Н. Тарасова и других исследователей. Их труды позволяют рассматривать религиозную философию Толстого как целостную систему, в которой осмысление страха смерти и духовного пробуждения личности занимает одно из ключевых мест.

Для проведения исследования применялись следующие методы:

1) исторический метод. Использование данного метода позволило проследить процесс формирования религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого в контексте его биографии и духовного кризиса, а также установить причинно-следственные связи между переживанием страха смерти, мировоззренческим переломом писателя и становлением его учения о духовном пробуждении личности. Исторический подход дал возможность рассмотреть развитие этих идей в динамике – от ранних произведений к поздним религиозным трактатам;

2) компаративистский метод. Сравнительный анализ был использован для сопоставления различных этапов религиозно-философского творчества Толстого, а также для выявления сходств и различий между его взглядами и концепциями представителей экзистенциальной философии. Применение данного метода позволило раскрыть специфику толстовского понимания смерти, духовной жизни и нравственного пробуждения в сравнении с иными философскими традициями;

3) критический анализ. Данный метод применялся для интерпретации религиозно-философских и художественных текстов Толстого с целью выявления их смысловых, ценностных и экзистенци-

альных оснований. Критический анализ позволил рассмотреть концепты страха смерти, разумной жизни и духовного возрождения в их внутренней логике, а также оценить их значение для формирования целостной религиозной философии писателя.

Результаты и их обсуждение

Размышления о смерти занимают в философии Толстого уникальное место, поскольку представляют собой не абстрактную теоретическую проблему, а живое, пережитое испытание, повлиявшее на всю его духовную эволюцию.

Писатель в «Исповеди» подробно описал глубинное чувство страха и потерянности перед лицом осознания собственной смерти, охватившее его в путешествии в возрасте 42 лет и позже обозначаемое им как «арзамасский ужас». Также неоднократно на страницах своих произведений он обращается к феномену смерти, его смыслу.

Перед духовным, или вторым, рождением каждого человека неизменно приходит момент, когда он вдруг с ужасающей ясностью осознает свою смертность. Обычно это откровение приходит неожиданно, вызывая у человека глубокий, почти парализующий страх перед неизбежностью конца [2].

Это состояние оказывается столь сильным, что лишает его возможности жить привычной жизнью, наполняя каждое действие абсурдом. Страх смерти становится разрывом между прежним жизненным укладом и необходимостью новых оснований.

Толстой переживает страх смерти как столкновение двух уровней бытия – животного и духовного. Животная жизнь стремится к продолжению рода, к удовольствиям, к материальному обеспечению, но осознаёт свою обречённость. Именно эта конечность и вызывает страх. Духовная же жизнь, напротив, не зависит от телесного существования и потому не боится смерти. Но переход к ней требует

глубокой внутренней работы – того, что Толстой называет «просветлением разума» и «пробуждением духа» [8, с.83].

Здесь страх смерти выполняет двойственную функцию. Во-первых, он полностью разрушает прежнюю картину мира индивида, лишая его возможности и дальше вести автоматическое, нерелексивное существование, пусть даже внешне благополучное. Во-вторых, он создаёт предпосылки для формирования иного взгляда на жизнь [9, с.62].

Таким образом, ужас перед небытием превращается в экзистенциальный перелом. Он развеивает жизненные заблуждения, но одновременно прокладывает дорогу к духовному преображению, становясь не эпизодическим событием, а необходимым этапом на пути к обретению смысла.

Глубокое столкновение со страхом смерти обнажает призрачность всех оснований, на которых зиждется так называемая «животная», биологическая жизнь. Перед лицом конечности человек призван осознать своё подлинное призвание – отстаивать ясность сознания и брать на себя абсолютную ответственность за каждый прожитый день.

Толстой в своих размышлениях демонстрирует, что индивид, сосредоточенный исключительно на достижении вещных, материальных благ, пребывает в состоянии духовной спячки. Он не отдаёт себе отчёта, что его образ жизни уже несёт в себе семя смерти. Всё, к чему он стремится, неизбежно обратится в ничто, а следовательно, лишено подлинной значимости. В данной перспективе страх перед концом – это момент истины, крушение неверного фундамента бытия [10].

Именно такое осознание приводит Толстого к мысли о необходимости коренной переоценки всех ценностей. Он отказывается от литературной славы, ставит под сомнение институт собственности, обличает общественные формы религии, построенные на обряде, а не на внутреннем содержании [11, с. 8].

Этот этап его пути можно назвать «негативным» просветлением: разрушение – ещё не строительство, но оно необходимо для рождения нового смысла. Толстой ощущает пустоту как преддверие истины, а бессмысленность прежней жизни – как очищение пространства для духовного смысла.

Фундаментальным моментом толстовской антропологии становится идея о том, что страх смерти побеждается не философскими аргументами и не религиозными догмами, а радикальным изменением внутренней жизни. Толстой пишет: «Я увидел, что жизнь имеет смысл только тогда, когда основана на внутреннем нравственном законе». Этот закон Толстой формулирует через понятие любви – не чувственной, не эмоциональной, а духовной, выражающей сущность человеческой природы.

Любовь в толстовской системе – это не частное чувство, а принцип, соединяющий человека с вечным. Она позволяет выйти за пределы телесной жизни, преодолеть страх исчезновения, потому что любовь принадлежит не миру смертного, а миру бесконечного.

Толстой пишет о своём пробуждении как о «новом зрении»: он начинает воспринимать себя не как тело, а как духовную сущность, соединённую с другими людьми через взаимное служение добру. В этом состоянии страх смерти исчезает, потому что смерть перестаёт быть угрозой – она становится лишь переходом или внешним изменением формы жизни, но не её сущности.

Так духовное пробуждение оказывается для Толстого не утешением, а трансформацией, открывающей совершенно новый смысл существования.

В результате пережитого кризиса Толстой формирует концепцию «истинной жизни» – центральный элемент его религиозной антропологии. Это жизнь, основанная на исполнении внутреннего закона любви и служения. В ней человек воспринимает себя не как отдельного индивида, противопоставленного миру, а

как часть всеобщего духовного единства [12, с.13].

Толстой подчёркивает, что истинная жизнь не зависит от внешних условий, она возможна в любом положении – и в бедности, и в болезни, и перед лицом смерти. Она не требует принадлежности к той или иной конфессии, не опирается на обряды или институты. Она требует лишь одного – слушать голос совести.

В таком понимании смерть утрачивает статус абсолютного зла. Она становится частью всеобщего потока бытия и потому теряет свою власть над человеком. Личность, нашедшая духовный смысл, воспринимает смерть как явление относительное, не определяющее её сущность.

Тем самым Толстой создаёт цельную антропологическую систему, в которой страх смерти становится началом пути, а духовная любовь – его завершением [13, с. 22].

Толстой последовательно показывает, что страх смерти обусловлен не самой смертью, а ложным пониманием жизни. Пока человек отождествляет себя с телом, с социальными ролями или с материальными достижениями, смерть действительно представляется абсолютным концом всего [14, с. 229]. Но для Толстого подлинная трагедия заключается не в физической гибели, а в духовной слепоте, которая заставляет человека воспринимать смерть как уничтожение целого мира.

В произведении «Исповедь» Лев Толстой описывает переломный момент своего духовного кризиса, вызванного мыслями о смерти: «Я не мог придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого сначала. Всё это так давно всем известно. Не нынче завтра придут болезни, смерть... на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, забудутся... и меня не будет. Так из чего же хлопотать?» [1, т. 23, с. 13]. Это откровение показывает, что смерть

выступает для него не внешней угрозой, а внутренним откровением, обнажающим бессмысленность жизни, построенной на мирских ценностях. Страх возникает не перед самой смертью, а перед осознанием, что ей нечего противопоставить [15, с. 108].

Это прозрение становится толчком к интенсивному духовному поиску. Толстой ощущает острую потребность найти основу для жизни, которую смерть не может уничтожить. Он объясняет этот императив так: «Мне нужно было узнать смысл жизни... Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже – разум для того, чтобы понять её» [1, т. 23, с. 87]. В этом заключается суть его открытия: чтобы обрести разумное понимание, сама жизнь должна быть перестроена на истинных, непреходящих началах. Смерть становится тем испытанием, которое, подобно вспышке, освещает тёмные уголки души и ставит главный вопрос: ради чего живёт человек? Если ответ – власть, успех или богатство, то страх непреодолим. Если же человек находит внутри источник веры, любви и нравственного закона, смерть теряет статус абсолютного конца.

Толстой подчёркивает, что такое пробуждение невозможно без этапа глубокого отчаяния, которое он детально исследует в «Исповеди». Это не слабость, а необходимая катастрофа, разрушающая ложные опоры. В этом он предвосхищает идеи экзистенциалистов XX века: знание о смерти не только пугает, но и служит мощным импульсом к пробуждению подлинного «Я» [16, с. 56].

Процесс внутренней трансформации у Толстого проходит через несколько стадий: критический разбор прежней, «светской» жизни; переживание экзистенциальной пустоты и бессмысленности; открытие в себе внутреннего, непреложного нравственного начала (совести); обращение к вере и всеобщей любви как к абсолютному основанию бытия; и наконец, обретение свободы от страха смерти.

Результатом этого мучительного пути становится состояние, которое он описывает как внутренний мир и ясность. Эта «ясность» – новое духовное зрение, позволяющее видеть мир не как поле случайных угроз, а как пространство для исполнения нравственного долга и любви.

Любовь становится центральным понятием, способным преодолеть страх смерти. Это не личное чувство, а универсальный закон бытия, отражение «воли Божией» в человеческой душе. Она соединяет людей в духовной общности, превосходящей пределы телесной жизни.

Толстой утверждает, что человек бессмертен постольку, поскольку он живёт любовью. Всё, что связано с эгоизмом, телесными страстями и земными привязанностями, исчезает со смертью. Но всё, что связано с любовью, продолжается. «Ничего, кроме смерти впереди, и ничего, кроме исполнения должного сейчас! Как это кажется безрадостно и страшно! А между тем положи свою жизнь только в этом: во всё большем и большем сейчас соединении любовью с людьми и богом, и то, что казалось страшным, делается лучшим, ненарушимым благом» [1, т. 45, с. 489].

Любовь в толстовской антропологии – это акт внутреннего освобождения. Человек, любящий других, перестаёт воспринимать себя как отдельное, изолированное существо. Он видит себя в связи с другими, и потому перестаёт бояться смерти, понимая, что смысл его существования – в служении и единстве, а не в биологическом продолжении жизни [17, с. 205].

Этот взгляд отчётливо выражен в «Пути жизни», где Толстой пишет, что «Любовь уничтожает не только страх смерти, но и мысль о ней» [1, т. 45, с. 459].

Толстой неоднократно подчеркивал, что отношение человека к смерти является нравственным критерием его зрелости. Тот, кто боится смерти, живёт не в соответствии с моральным законом. Тот же, кто принимает смерть спокойно, свиде-

тельствует о внутренней гармонии своей жизни: «Смерть же представляется чем-то совершенно особенным, нарушающим всё простое, ясное и понятное в жизни. И поэтому люди большей частью стараются не думать о смерти. Это большая ошибка. Напротив, надо свести жизнь со смертью так, чтобы жизнь имела часть торжественности и непонятности смерти, и смерть – часть ясности, простоты и понятности жизни» [1, т. 45, с.464].

Смерть становится экзаменом, показывающим, на чем основана жизнь человека: на временном или на вечном, на эгоизме или на любви, на страхе или на свободе [18, с. 28]. Толстой пишет, что человек, который живёт «истинной жизнью», встретит смерть так же, как встречает естественный переход: спокойно и с достоинством. Этот образ воплощён в «Смерти Ивана Ильича», где герой, всю жизнь проживший ложными ценностями, испытывает мучительный страх, но в последние минуты переживает духовное прозрение и умирает с облегчением [19, с. 156].

Так Толстой показывает, что смерть может стать моментом высшего нравственного прозрения, если человек способен отказаться от лжи и принять истину.

Экзистенциальное переживание смерти становится основой для радикальной перестройки всех представлений Толстого о человеке. До духовного кризиса он воспринимал личность прежде всего как социальное существо, участвующее в жизни общества, государства, культуры. Однако встреча со страхом смерти вскрывает ограниченность такого взгляда: социальный человек оказывается полностью зависимым от внешних обстоятельств и потому абсолютно уязвимым перед лицом смерти.

После кризиса Толстой формирует концепцию личности как духовного существа, чья истинная сущность не определяется телесным существованием. Человек – это сознание, совесть, способность к любви, а не сумма биологических и социальных функций. В этом смысле вся толстовская антропология – это по-

пытка ответить на вопрос: что остаётся в человеке, если убрать всё, что смерть может уничтожить? Ответ Толстого однозначен: остаётся духовное начало.

Таким образом, смерть в философии Толстого выполняет роль решающего критерия: она безжалостно отделяет в человеке подлинное от наносного. Через это радикальное откровение писатель приходит к убеждению: подлинное духовное преобразование снимает оковы страха, а жизнь, посвящённая любви и служению, формирует в человеке непреходящую, вечную основу.

Эта концепция человека составляет прямую альтернативу западному гуманизму XIX в., сосредоточенному на социальной функции и рациональном начале. Толстой переносит акцент на внутренний, нравственный мир личности, утверждая, что человек обретает истинное достоинство лишь через полный отказ от насилия и принятие любви как высшего и безусловного закона.

Для Толстого смерть – не только физический конец, но и смысловая граница, разделяющая мир временного и мир вечного. Она ставит перед человеком главный вопрос о смысле жизни в его самой требовательной и чистой форме. Этот экзистенциальный вызов нельзя удовлетворить умозрительными теориями или научными данными; он требует глубокого личного опыта и внутреннего преобразования. Толстой любил «сравнение жизни со сном, а смерти с пробуждением» [20, с.468]. В этом сравнении заключена вся суть его взгляда: уход из жизни есть переход в качественно иное состояние бытия, где иллюзии материального мира рассеиваются.

В итоге смерть предстаёт как последняя и самая честная проверка, которая обнажает пустоту эгоистических устремлений, демонстрирует тщету материальных ценностей и направляет поиск к основам духовного порядка. Так, встреча с неизбежным концом становится для Толстого ключевым моментом обретения истины о себе и мире.

Для Толстого смерть всегда стоит рядом с жизнью, не как угроза, а как напоминание о необходимости жить в соответствии с нравственным законом. «Смерть есть начало другой жизни» [1, т. 26, с. 398]. В таком понимании смерть становится не отрицанием жизни, а её высшим измерением.

Современная философская антропология также использует толстовский взгляд на смерть как на феномен, открывающий экзистенциальный горизонт личности. Многие исследователи отмечают, что Толстой предвосхитил идеи европейского экзистенциализма: мысль о том, что страх смерти – это фундаментальная данность человеческого существования, а подлинная свобода начинается только с признания этой данности.

Толстой, однако, отличается от атеистического экзистенциализма тем, что предлагает путь преодоления страха смерти через духовную любовь. Если для Хайдеггера человек – это «бытие-к-смерти», то для Толстого – «бытие-к-любви». Смерть остаётся реальностью, но уже не определяет сущность человека.

Выводы

Страх смерти занимает ключевое место в религиозно-философской антропологии Л. Н. Толстого и служит отправной точкой его духовной революции. Встреча с конечностью человеческого существования разрушила прежний мир писателя, основанный на социальном успехе и внешних ценностях, и привела к глубокому переосмыслению смысла жизни.

В толстовском понимании страх перед смертью представляет собой не просто личностный кризис, но и мощный духовный импульс. Этот импульс заставляет человека усомниться в ценности прежних устремлений и указывает направление к жизни подлинной. Смерть выступает здесь как главное мерило. Она с беспощадной ясностью показывает, на чём покоится человеческое существование: на хрупком материальном или на прочном духовном фундаменте, на эгоистичном интересе или на бескорыстной любви.

Писатель убеждён, что победить этот страх возможно лишь в результате глубокой внутренней работы – нравственного пробуждения. Его краеугольным камнем является закон любви, который, связывая людей воедино, преодолевает границы телесного, физического мира. Признание любви универсальным и высшим принципом бытия позволяет человеку освободиться от страха и обрести истинную свободу.

Таким образом, личностная трансформация, которую детально описывает Толстой, ложится в основу его религиозно-философского учения и концепции человека. Внутренняя свобода достигается в тот момент, когда индивид перестаёт видеть свою сущность в бренном теле и начинает жить жизнью духа, руководствуясь совестью, служением и любовью. Согласно Толстому, лишь такое качественное изменение природы человека способно одолеть ужас небытия и открыть путь к бессмертию – не биологическому, а нравственному, сохраняющемуся в духовном наследии и делах любви.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.;-Л., 1928–1958.
2. Волохова Н. В. Смыслжизненная философия Л. Н. Толстого: от прошлого к настоящему: монография. Курск: Курский государственный университет, 2021. 403 с.
3. Алябьева С. В. Вера и самосовершенствование как глубинные смыслы жизни в учении Л. Н. Толстого // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета 2015. № 5. С. 63–66.
4. Гельфонд М. Л. Этика ненасилия Л. Н. Толстого. М.: РПА Минюста России, 2013. 156 с.
5. Мелешко Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2008. 310 с.

6. Басинский П. В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2023. 640 с.
7. Рачин Е. И. О жизни и ее смысле у Л. Н. Толстого. М., 1997. 190 с.
8. Мураткина Е. Д. Проблема жизни и смерти в творчестве Л. Н. Толстого и Ч. Диккенса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 9. С. 80–85.
9. Евсеева А. А. Взгляд Л. Н. Толстого на сущность жизни и смерти // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 21 (103). С. 27–31.
10. Гладышев А. К. Интерпретация мотива смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 53–63.
11. Зеньковский В. В. О религии Л. Толстого. М., 1912. С. 27–58.
12. Моторина Л. Е. Духовная драма Л. Н. Толстого // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 4. С. 6–9.
13. Каракко П. С. Феномен смерти и бессмертия человека в творчестве Л. Н. Толстого // Философия и социальные науки. 2008. № 4. С. 21–24.
14. Герасимов С. В. Смерть в мире Толстого // «Толстовские чтения – 2022»: материалы Международной научной конференции. М., 2023. С. 228–233.
15. Волохова Н. В. Проблема смысла жизни и смерти в антропологии Л. Н. Толстого (Часть 1) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 105–111.
16. Чеснова Е. Н., Якимова Е. Г. Философия веры и эсхатологические «Предчувствия» в учении Л. Н. Толстого // Гуманитарные ведомости Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 28–35.
17. Волохова Н. В. Концепция «двух разумов» как квинтэссенция философского учения Л. Н. Толстого о человеке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 4. С. 202–209.
18. Гельфонд М. Л. Проблема смысла жизни в нравственно-религиозной философии Л. Н. Толстого // Этическая мысль. 2016. № 1. С. 46–65.
19. Волохова Н. В. Идея бессмертия в религиозно-антропологической системе Л. Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2. С. 153–160.
20. Толстой Л. Н. Путь жизни. М.: ARCHIVE PUBLIKA, 2025. 503 с.

References

1. Tolstoy L.N. Complete Works. Moscow-Leningrad; 1928–1958. (In Russ.)
2. Volokhova N.V. The Philosophy of Life of L. N. Tolstoy: From the Past to the Present. Kursk: Kurskii gosudarstvennyi universitet; 2021. 403 p. (In Russ.)
3. Alyabyeva S.V. Faith and self-improvement as deep meanings of life in the teachings of L.N. Tolstoy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Proceedings St. Petersburg State Agrarian University*. 2015;(5):63–66. (In Russ.)
4. Gelfond M.L. Ethics of nonviolence by L.N. Tolstoy. Moscow: RPA Minyusta Rossii; 2013. 156 p. (In Russ.)
5. Meleshko E.D. The Christian Ethics of Leo Tolstoy. Moscow: Nauka; 2008. 310 p. (In Russ.)
6. Basinsky P.V. Lev Tolstoy: Escape from Paradise. Moscow: AST; 2023. 640 p. (In Russ.)
7. Rachin E.I. On Life and Its Meaning in Leo Tolstoy's Works. Moscow; 1997. 190 p. (In Russ.)
8. Muratkina E.D. The Problem of Life and Death in the Works of Leo Tolstoy and Charles Dickens. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova = Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University*. 2006;(9):80–85. (In Russ.)
9. Evseeva A.A. L.N. Tolstoy's View on the Essence of Life and Death. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Problems of Modern Science and Education*. 2017;(21):27–31. (In Russ.)

10. Gladyshev A.K. Interpretation of the Death Motif in L. N. Tolstoy's Novel "The Death of Ivan Ilyich". *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka = Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science*. 2013;(5):53–63. (In Russ.)
11. Zenkovsky V.V. On Tolstoy's Religion. Moscow; 1912. P. 27–58. (In Russ.)
12. Motorina L.E. Tolstoy's Spiritual Drama. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2010;(4):6–9. (In Russ.)
13. Karako P.S. The Phenomenon of Human Death and Immortality in Leo Tolstoy's Works. *Filosofiya i sotsial'nye nauki = Philosophy and Social Sciences*. 2008;(4):21–24.
14. Gerasimov S.V. Death in Tolstoy's World. In: *Tolstoy Readings 2022: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow; 2023. P. 228–233. (In Russ.)
15. Volokhova N.V. The Problem of the Meaning of Life and Death in the Anthropology of Leo Tolstoy (Part 1). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2013;(2):105–111. (In Russ.)
16. Chesnova E.N., Yakimova E.G. Philosophy of Faith and Eschatological «Antecedents» in the Teachings of Leo Tolstoy. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni L. N. Tolstogo = Humanitarian Bulletin of the Tula State Pedagogical University named after Leo Tolstoy*. 2014;(3);28–35. (In Russ.)
17. Volokhova N.V. The concept of «two minds» as the quintessence of L.N. Tolstoy's philosophical doctrine about man. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2019;9(4):202–209. (In Russ.)
18. Gelfond M.L. The Problem of the Meaning of Life in the Moral and Religious Philosophy of L. Tolstoy. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*. 2016;(1):46–65. (In Russ.)
19. Volokhova N.V. The Idea of Immortality in the Religious and Anthropological System of L. Tolstoy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of the Southwest State University. Series: Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*. 2015;(2):153–160. (In Russ.)
20. Tolstoy L.N. *The Way of Life*. Moscow: ARCHIVE PUBLIKA; 2025. 503 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volna-sha@rambler.ru, Researcher ID: T-7441-2018, ORCID:0000-0002-7048-3509, Scopus ID: 57189517020

Natalia V. Volokhova, Doctor of Sciences (Philosophical), Professor at the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volna-sha@rambler.ru, Researcher ID: T-7441-2018, ORCID: 0000-0002-7048-3509, Scopus ID: 57189517020

Воробьев Никита Валерьевич, аспирант кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: v.vorobei@mail.ru, Researcher ID: PEX-4249-2025, ORCID: 0009-0008-7797-2365

Nikita V. Vorobyov, Postgraduate at the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: v.vorobei@mail.ru, Researcher ID: PEX-4249-2025, ORCID: 0009-0008-7797-2365